ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 29 (2412) | Суббота, 10 апреля 1948 г. | Цена 40 коп.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Великий драматург великого народа

12 апреля советская страна торжественно отмечает знаменательную дату в истории родного искусства — 125-летие со дня рождения корифея русской драматургии Александра Николаевича Островского.

В мировой литературе прошлого века Островский — явление исключительное, монументальное: его могучий и щедрый талант — яркое свидетельство гениальной даровитости великого народа. За пятнадцать лет до появления первой пьесы Островского В. Г. Белинский, глубоко понимавший идейную, воспитательную роль театра, как искусства подлинно массового, народного, восклицал:

«...Как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, Русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни...»

Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Островский — создатели русского национального театра.

Доля, внесенная Островским, поистине громадна. Он создал около пятидесяти пьес, составивших художественную энциклопедию быта и нравов эпохи с ее положительными и отрицательными сторонами. Рассматривая его творчество в целом, нельзя не поразиться мощи его таланта, патриотической целеустремленности его творческого пути, благородству мысли. Неуклонно углублялось и расширялось идейное содержание его драматургии. Отдельные колебания в начале пути—сближение со славянофилами — были серьезны, но кратковременны и не могут заслонить для нас величие его творческого подвига. Островский не был революционером-демократом, но именно в гениальных статьях Добролюбова он нашел истолкование своего творчества, благодарно принял это мудрое истолкование, как единственно правильное, и до конца дней оставался верным спутником Некрасова и Щедрина. Он ревностно сражался рядом с Некрасовым и Щедриным против буржуазно-либерального лагеря оружием своего искусства, одновременно обличительного и полного веры в силы народа. Драматург считал первейшей обязанностью каждого честного писателя, даже если он не может создать идеалы нового,—«разрушать идеалы прошедшего», потому что «когда старый идеал износится, тогда он начинает, прежде всего, противоречить всему жизненному строю...»

Этому принципу Островский оставался верен до конца своих дней, бичуя, высмеивая, разрушая идеалы старого «темного царства» современной ему России во имя освобождения народа от ига собственнического мира, враждебного человеку и человечности. Он создал целую галлерею образов представителей этого мира из самых различных социальных кругов — от невежественных самодуров Дикого и Кабанихи до «культурных» моральных растлителей и хищников типа Кнурова, Прибыткова, Беркутова. Со всей мощью художника-реалиста Островский показал необузданный произвол власть имущих, развращающую власть денежного мешка, власть, порождающую и аморальных Глумовых и задавленных, бессильных Тихонов и Борисов.

Мрачной галлерее хозяев, слуг и рабов денег Островский противопоставил целый мир светлых образов, гордых и горячих сердец, как Катерина, Параша, Мелузов, Кулигин, прославил борьбу вольнолюбивой личности с мертвящими устоями прошлого. В этих образах со всей силой сказалась патриотическая вера великого драматурга в потенциальную силу родного народа.

Островский хотел быть народным писателем и стремился «сойтись покороче с народом, сродниться» с ним. Он добросовестно изучал эпоху и типы: и в купеческой цитадели Замоскворечья, и работая в суде, и путешествуя по Волге. Он пытался заглянуть в прошлое родины, о чем свидетельствуют его исторические драмы. Островского привлекали широкие массовые движения народа, он искал в прошлом те черты национального характера, которым надлежало развиться в будущем. Поэт истинно народный, он глубоко постиг народную стихию во всех ее проявлениях: в чаяниях и дерзаниях, в чистоте нравственности, в любви к красоте, в совершенстве народного слова. Народ был его единственной любовью, и драматург мог бы сказать о себе словами своего героя Козьмы Минина:

Мое одно — одна любовь святая
К родной стране, — я сын ее, любовью
Сыновнею горит душа моя!
Услышал я, что кровью и слезами
Исходит Русь . . . .
. . . . . Любовь моя хотела
Увидеть Русь великою, богатой,
Цветущею привольем на свободе...

Горячий патриотизм Островского со всею силою сказался в том чисто русском упорстве, с каким он осуществлял дело всей своей жизни — утверждение на русской сцене нужного народу театра.

Островский утверждал национальную самобытность русской драматургии; как и талант драматурга, он все свои способности руководителя и организатора отдал борьбе с рутиной и консерватизмом казенной театральщины, с пошлостью буржуазных вкусов, с засильем на русской сцене второсортного иностранного репертуара.

Великий русский художник, он обогатил мировую драматургию не только огромным количеством новых образов, но и неведомым до него умением сочетать реалистически верное и точное воспроизведение социальных отношений и быта с глубоким и осознанным демократизмом, умением раскрыть в движении характер простого человека. «Чародей слова», как называл его Горький. Островский владел непревзойденным и поныне искусством создавать словом, репликой психологическую характеристику образа. Он был великолепным мастером сюжетной композиции, отражающей реальные противоречия повседневной жизни.

По пути, указанному Островским, развивалась русская драматургия; его творчество оказало плодотворное влияние и на развитие национального драматического искусства Украины, Грузии, Армении, Азербайджана.

После Великой Октябрьской социалистической революции полностью осуществилась мечта великого драматурга о народном театре. Непрестанно продолжается триумфальное шествие Островского по советской сцене, слова его звучат почти на всех языках советских народов и во всех краях необ'ятной советской земли. До трехсот постановок его пьес показывают сейчас советские театры зрителю, радио доносит его слова до миллионов слушателей, его герои оживают на киноэкранах.

Советский зритель смотрит пьесы Островского не только как исторические картины прошлого; ему близка и понятна та неустанная и героическая борьба молодых сил со старыми отживающими силами темного прошлого, которая составляет внутреннее содержание пьес Островского.

Лучшие традиции творчества великого драматурга, произведения которого так метко назвал Добролюбов «пьесами жизни», сохраняются и развиваются советской драматургией. Задача советских писателей неизмеримо значительнее, чем разрешавшаяся когда-то Островским задача разрушения старых идеалов. От советских драматургов требуется утверждение новых идеалов на основе сегодняшней советской жизни. На этом трудном пути лишь тот одерживает победы, кто осмыслил все значение творческого опыта великого русского национального драматурга.

И как бы ни изменялось содержание жизни, как бы ни возвысилась над собственническими страстями прошлого душа нового человека, имя Островского — создателя русского театра — навсегда останется славой и гордостью народа, как имя друга и соратника в борьбе со злом старого мира.

Могучая сила

Бор. ЛАВРЕНЕВ

Четыре года назад, апрельской ночью, напоенной смоляным запахом хвои, мы возвращались в блиндаж командира дивизии с концерта, данного бригадой московских артистов на переднем крае. Шли вдвоем — я и ординарец полковника, старший сержант Пеленкин, человек средних лет, немного рябоватый, разбитной и чрезвычайно разговорчивый.

Но сейчас Пеленкин шагал молча, опустив голову, и даже в неверном лунном свете, фосфорно сочившемся сквозь ветки, можно было заметить на его лице сосредоточенную напряженность мысли.

Только что прослушанный нами концерт состоял на три четверти из драматических отрывков, а отрывки были преимущественно из пьес Островского. Разыгрывались сцены из «Грозы», «Бешеных денег», «Доходного места» и «Бесприданницы». Исполнение было превосходное — в дивизию приехали большие актеры, и концерт прошел в благоговейной тишине, при восторженном внимании.

Мне захотелось спросить моего спутника, о чем он задумался, но прежде чем я успел задать вопрос, Пеленкин неожиданно остановился и громко сказал:

— Глубокая вспашка, товарищ майор!

— Что? Вы о чем, Пеленкин? — спросил я в недоумении.

— Глубокая вспашка, говорю, товарищ майор... — снизив голос, продолжал Пеленкин. — Сидим мы с вами и слушаем товарищей актеров. И показывают они бойцам как будто не нашу жизнь... Про дворян, или про купцов и чиновников, разное такое, забытое. Об этом, может быть, сейчас одни столетние старики помнят, а нам и невдомек. Одним словом, мы с вами на одной полочке, а эти, которых актеры разыгрывали, вовсе на другой. Как будто нам с вами и дела нет до их жизни. Отжили они свое и—прощайте, у нас свои хлопоты, не до вас... А вот выходит совсем не так...

Вот, барышня терзается, что от бедности не может жизнь устроить, вещью ее считают. Нам с об'ективной точки вроде смешно, когда у нас любая девушка куда угодно дойдет, хоть в профессоры — была бы охота... А про приданое даже в деревне только самые отсталые еще поминают. Казалось, нам с вами, товарищ майор, на это все, как на комедию и глядеть надобно. А вместо этого я слезу пролил, и сердце у меня сжалось за барышню. Задумался я, от какой причины мне чужие чувства душу переворачивают... И думаю, что писатель Островский на глубокой вспашке работал.

— То-есть? — переспросил я Пеленкина.

— А вот как на поле, товарищ майор... Помню я, как папаша до коллективизации плужком ковырялся, а нынче у нас на полях трактор землю до самого нутра выворачивает... Так, видно, и в сочинительском деле — один поверху елозит, только царапает, а кому настоящий талант достался, тот пластами берет, вглыбь, до самой жизненной середки. А раз жизнь лемехом поднял, так она век веков жить будет, никогда не зачахнет...

В дни, когда моя Родина чтит память великого своего художника слова и сердцеведа, припомнился мне этот ночной разговор с сержантом Пеленкиным, который в неловких, но подлинно взволнованных и правдивых словах определил основу могучей силы таланта Островского.

В драматургии Островского, за отдельными фигурами его героев, всегда стоят поднятые его гигантским дарованием общественные пласты современной ему России и русского общества.

Глубокой вспашкой подымает Островский со дна «темного царства» представителей различных общественных слоев и прослоек и выворачивает их на солнечный свет во всей их неприглядной обнаженности. Самодуры, деспоты, хапуги и взяточники, хищники, лишенные чести и моральных устоев, составляют в драматургии Островского одно огромное полотно, отражающее с необычайной и резкой полнотой сущность собственнического мира.

Но Островский был и пламенным романтиком человеческого чувства, проникновенным и мягким лириком.

Достаточно напомнить три женских образа, оставленных нам как драгоценное наследие: Катерина, Лариса, Снегурочка.

По ясности, по душевной красоте и обаятельности эти героини Островского по праву занимают почетное место в мировом пантеоне женских литературных образов. Глубина понимания женской души и способности русской женщины на любое самопожертвование, на протест против семейного и социального гнета позволила Островскому наполнить образы своих героинь такой жизненной силой и правдой, что более чем через полвека после их создания они близки сердцу советского зрителя. Таково волшебство гения.

Я не знаю, где сейчас Василий Трифонович Пеленкин. Может быть, он сидит за рулем трактора, и в эти весенние дни, когда мы поминаем народного драматурга, Василий Трифонович подымает глубокие пласты влажной земли. Может быть, бывший сержант Пеленкин не помнит уже ночного лесного разговора в апреле 1944 года. Но я этого разговора не забыл и думаю, что мысль, которую высказал тогда Пеленкин, трудно забыть, — о ней должны помнить и драматурги нашей советской эпохи.

Не царапать по поверхности, а брать пластами «вглыбь, до самой жизненной середки», должен всякий, кому достался от судьбы талант и кто чувствует свою ответственность перед народом.

Горячее сердце

Александр КРОН

Пьесы Островского — это неисчерпаемая сокровищница для философа, историка, лингвиста. Перечитывая их, каждый раз поражаешься глубине и смелости обобщений, жизненности изображения, мощи и выразительности языка. Но больше всего потрясает в Островском его гражданский пафос, сила убеждения, с которой он утверждает свои положительные идеалы и обличает общественные уродства, порожденные собственническим строем.

Островский великолепно знал гнетущую власть денежного мешка. В сфере имущественных отношений для него, подобно Бальзаку, не было тайн. Но Островский стоял выше Бальзака в своем анализе буржуазного порядка. С проникновенной силой рисует Островский власть денег, опустошающую человеческие души, подавляющую все лучшее, что есть в человеке,—любовь, талант, человеческую гордость. Великий драматург был сыном своего века. Прошли многие годы, прежде чем Горький вывел на сцену рабочего Левшина («Враги») и его устами сформулировал единственный выход: «Копейку надо уничтожить...» Но растлевающую власть «копейки» Островский видел ясно и был беспощаден в своем обличающем гневе.

Через все творения Островского красной нитью проходит тема борьбы человека за свое личное, национальное и гражданское достоинство. Людям с горячим сердцем, сумевшим не склонить голову перед всесильной «копейкой», он отдает все свои симпатии. Островский всячески подчеркивал, что денежный мешок претендует на большее, чем физическое порабощение народа. Он посягает на его честь. Он хочет не только выжимать соки, но и властвовать над душами, стремится не только обобрать, но и унизить. В «Бесприданнице» — одной из самых совершенных драм А. Н. Островского — есть трагический персонаж, именуемый Робинзоном. Второстепенный, с точки зрения сюжета, он занимает немаловажное место в осуществлении идейного замысла драматурга. Робинзон служит шутом для богатых и тароватых купцов. Торговать своим человеческим достоинством стало для него своеобразной профессией. Но и этого, примирившегося со своей постыдной ролью человека заставляют взвыть волком претендующие на «культуру» и «европеизм» рыцари чистогана. В последнем акте пьесы ко всему привычный Робинзон не выдерживает. «О, варвары, о, разбойники!»—вопит он, грозя кулаком. И слыша вопль Робинзона, зритель предчувствует развязку: Лариса обречена. В мире чистогана нет места любви и нет пощады слабым.

Унизить, заставить ползать на брюхе жаждут Дикой, Ахов, Хлынов. Буржуазно-либеральная критика, рассматривая созданную Островским галлерею самодуров, считала своим долгом подчеркивать их культурную отсталость, дикость, «невежество». В этом подчеркивании есть своя тенденциозность, природа которой нам ясна. В понятие «невежества» Островский вкладывал более широкий обобщающий смысл. Кнуровы и Вожеватовы — люди, пользующиеся всеми благами цивилизации. Они читают газеты, а при случае могли бы их издавать. Они ездят в Париж на выставки и знают толк во всем, что составляет комфорт. Если бы в те времена существовали рефрижераторы, пылесосы и электрические бритвы, можно не сомневаться, что Кнуровы ими бы пользовались. И, однако, все это не мешает Кнуровым оставаться такими же варварами, как Аховы и Хлыновы, может быть, даже более бесчеловечными в своем высокомерии полузнаек.

Островский знал духовное богатство своего народа, свято верил в его нравственные силы. Бунт Параши из «Горячего сердца», неподкупность Агнии, с позором изгоняющей толстосума Ахова («Не все коту масляница»), изображены драматургом с поэтическим жаром и глубоким сочувствием. Островский знал, как трудна борьба с силами зла, как неравны силы борцов-одиночек в схватке со сложившимися, устоявшимися формами быта. Он не кривил душой и не выдумывал «счастливых концов». Вряд ли можно назвать «счастливым концом» финал «Последней жертвы». Эта «комедия в 5 действиях» — одно из самых ярких по драматизму произведений русского классического репертуара. Трагична судьба актрисы Негиной в другой комедии Островского «Таланты и поклонники». Но даже в тех пьесах, где Островский приводит своих героев к благополучной развязке («Не все коту масляница», «Правда — хорошо, а счастье лучше»), он всегда дает понять, что «счастливый конец» пьесы скорее частный случай, чем закономерность, и что зрителю не следует питать излишних иллюзий насчет законов, существующих в мире, где властвуют деньги. Реализму Островского чужда лживая идеализация собственнического уклада. И особенной яркости он достигает в постановке нравственных проблем, многие из которых продолжают нас волновать и сегодня.

Современному советскому человеку, освобожденному от ярма капитализма, в высокой степени присуще то гордое чувство собственного достоинства, за которое ратовал в своих произведениях великий писатель. Нашим людям ненавистна воинствующая «копейка», которая в иных странах зовется долларом, — это дела не меняет. Развивать в советских людях патриотическую гордость и ненависть к власти денежного мешка — прямая задача советских драматургов. Выполняя ее, они являются достойными наследниками Островского.

Выставка, посвященная А. Н. Островскому

В ознаменование 125-летия со дня рождения А. Н. Островского Государственный центральный театральный музей им. Бахрушина устраивает выставку, посвященную жизни и творчеству писателя.

Построенная на обширном документальном материале, выставка должна дать наглядное представление о борьбе Островского за русский национальный театр. Экспонаты подчеркивают значение его пьес в истории формирования реализма на сцене, показывают Островского, как любимого народного драматурга, завоевавшего огромную популярность на сценах театров Советского Союза.

В первом, библиографическом разделе выставки представлены многочисленные фотографии и портреты писателя, сделанные в различные моменты его жизни, а также фотографии и портреты членов его семьи и его друзей. Многие из этих фотографий экспонируются впервые. Интересен портрет маслом, писанный с натуры знаменитым актером Малого театра — Михаилом Провычем Садовским. В этом же разделе даны фотографии и зарисовки зданий и мест, связанных с жизнью и деятельностью писателя.

В мемориальном отделе можно увидеть многочисленные рукописи писателя, его личные вещи (печатка, шапочка, табакерка и др.).

Эскизы, зарисовки, фотографии показывают лучшие дореволюционные постановки пьес Островского и талантливых исполнителей ролей на сцене Малого, Александринского театров, а также в театрах провинции. Эскизы и декорации художника Искакова к «Поздней любви» и ряду других пьес Островского в Малом театре заслужили очень высокую оценку самого писателя.

Широко представлены на выставке экспонаты, показывающие популярность Островского у советского зрителя. Среди эскизов к спектаклям Островского имеются эскизы крупнейших художников советского театра: Юона, Лансере, Бобышева, А. Герасимова, Дмитриева, Рабиновича, Крымова и др.

В заключительной части выставки посетители увидят фотографии постановок пьес драматурга за рубежом и в первую очередь в странах новой демократии — в Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии.

В домике П. И. Чайковского

В Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину в юбилейные дни будет проведена сессия на тему «Чайковский и Островский». Здесь будут заслушаны доклады о фольклоре в музыке к «Снегурочке», об уничтоженной композитором и ныне восстановленной профессором П. А. Ламм партитуре оперы «Воевода». Выставка отобразит творческое содружество Чайковского, Островского и Серова, их общественное, литературное и музыкальное окружение.

На выставочных стендах экспонируются рукописные материалы, по которым восстанавливалась опера «Воевода», музыкальные фрагменты к драме «Дмитрий Самозванец», увертюра к драме «Гроза» и др.

Сессия закончится большим концертом, где московскими артистами будут впервые исполнены отрывки из оперы «Воевода».

Научная сессия в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 13 апреля в Научно-исследовательском институте театра и музыки в Ленинграде откроется сессия, посвященная 125-летию со дня рождения А. Н. Островского. На сессии будут заслушаны доклады о мировом значении творчества Островского, о постановках его пьес на дореволюционной сцене и на сцене советских театров, об образе положительного героя в драматургии Островского, о роли фольклора в его творчестве и другие.

В работах сессии, которая продлится пять дней, примут участие московские и ленинградские литературоведы, театральные деятели.

Ленинградский театральный музей и Государственная театральная библиотека имени Луначарского откроют к сессии выставку, посвященную жизни и творчеству Островского.

Водные „проселки“

Сорок шесть областей Российской Федерации получат в этом году новые речные пути, равные по протяженности Волге.

Речь идет о мелких, заиленных речках, которые никогда не знали судоходства и по которым в ближайшее время пойдут баржи, катера. Таких речек в нашей стране свыше 100 тысяч.

— Более ста малых рек РСФСР уже стали судоходными, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» Н. В. Семикин, начальник недавно созданного при Совете Министров РСФСР Главного управления по транспортному освоению малых рек. — В прошлому году пошли пароходы по реке Исеть в Курганской области, по реке Пижме в Кировской области, по Керести — в Новгородской, освоены реки Обва, Пчевжа, Сыкмара, Бакса, Вопь, Цна...

Маленькая речка Цна, которую прежде «куры в брод переходили», в прошлом году ежедневно заменяла своим еще не полным флотом 200 грузовиков, или 1.300 лошадей. Помножьте эти данные на количество навигационных дней, и вы получите огромную цифру экономии. По новой голубой дороге тамбовские колхозники перевезли тысячи тонн продуктов сельского хозяйства, а навстречу этому потоку двигались на баржах машины, горючее для МТС, промышленные товары.

— В ближайшее время, — продолжает тов. Семикин, — мы приступаем к реконструкции реки Медведицы в Калининской области. Эта река пересекает земли 11 районов, в ее освоении заинтересованы 89 сельсоветов, 688 селений, 85 тысяч колхозников.

— Каким образом малые реки становятся судоходными?

—До сих пор,—отвечает тов. Семикин,—мы ограничивались расчисткой и углублением их. Теперь реконструкция малых рек осуществляется в тесной связи со строительством сельских гидроэлектростанций, поэтому широко применяется метод шлюзования. На Цне, например, уже введены в эксплоатацию два гидроузла—Горельский и Мамонтовский. Река стала не только судоходной — она дает электроэнергию и воду для орошения десяткам колхозов. В ближайшем будущем на Цне будет построено 12 гидроузлов. Гидроузлы проектируются также на реке Мокше в Мордовской АССР и на подмосковной реке Осетр. Начинается строительство большой Никольской плотины на маленькой реке Дубна, а на реке Нара, Московской области, строится первая в Союзе судовозная дорога, которая заменит шлюзы.

Перечисляя наиболее крупные стройки этого года, тов. Семикин остановился на перспективе освоения реки Хопер. На ней будет построено 16 гидроузлов, которые дадут колхозам трех черноземных областей около 4.000 киловатт электроэнергии. Под'ем воды в реке создаст исключительные возможности для орошения земель приречных колхозов.

— Реконструкция малых рек,—заявил в заключение тов. Семикин, — изменит весь прибрежный ландшафт. На берегах узких рек и речонок, превращаемых в «проселочные» дороги водных магистралей, вырастут красивые плотины, шлюзы, электростанции, мельницы, мастерские, лесопилки. Тысячи гектаров орошенных колхозных земель покроются тучными нивами и садами. «Голубые дороги» приведут наши села и деревни к новому расцвету экономики и культуры.

ЛЕНИНГРАДЦЫ ЧЕСТВУЮТ СВОИХ ЛАУРЕАТОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя имени Маяковского состоялось собрание ленинградских литераторов, посвященное присуждению Сталинских премий за 1947 год. От имени правления Ленинградского отделения Союза советских писателей тов. А. Прокофьев горячо поздравил лауреатов В. Панову, Ю Германа, Б. Мейлаха, В. Кетлинскую.

По поручению парторганизации отделения Союза писателей лауреатов приветствовала Елена Серебровская.

— Сегодня я особенно сознаю свою ответственность перед читателями, — сказала В. Кетлинская, — а наши читатели — это весь советский народ. Я хочу создать новые книги — глубже, лучше, увлекательнее тех, которые уже написаны мною.

— Моим ответом на высокую оценку сценария «Пирогов»,—заявил Ю. Герман, — могут быть только новые произведения, достойные высокого звания лауреата Сталинской премии. На протяжении всей работы над этим сценарием большую помощь оказывала мне суровая товарищеская критика писателей, кинематографистов; такую же настоящую творческую критику я надеюсь получить и сейчас в работе над романом «Несколько дней» и над сценарием «Белинский».

На собрании выступили также В. Панова, Б. Чирсков и другие. С огромным воодушевлением ленинградские писатели приняли приветствие лучшему другу советской литературы — великому Сталину.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ

В Москве проходит первая научная конференция по дошкольному воспитанию.

Ученые-педагоги, воспитатели и родители, около 500 делегатов, принимают участие в разработке теории дошкольной педагогики, в критике ее недостатков.

Член коллегии Министерства просвещения РСФСР тов. Волкова рассказала о достижениях дошкольного воспитания в нашей стране. Только лишь в РСФСР насчитывается более 17,5 тысячи детских садов. Их посещает более 860 тысяч детей. В Советском Союзе созданы основы общественного дошкольного коммунистического воспитания. Однако теоретическая разработка отстает от практики.

С докладом о развитии детского изобразительного творчества выступила доктор педагогических наук Е. А. Флёрина.

— Буржуазные теоретики, — сказала она, — понимают детское творчество как инстинкт, как врожденную склонность. Наша наука опровергает эти ложные реакционные толкования. Не инстинкт, а действенное познание мира — вот основа детского творчества.

К. В. Махова, мать пятерых детей, поделилась своим опытом воспитания и обосновала необходимость преподавания педагогики и психологии в средней школе.

Действительный член Академии педагогических наук Е. Н. Медынский призвал воспитателей-практиков участвовать в педагогических чтениях, проводимых академией.

Многие из делегатов жаловались на отсутствие книг, рассказывающих в доступной для школьников форме о жизни и деятельности наших вождей, о героях гражданской и Отечественной войн, о знатных людях страны.

Конференция продолжает свою работу.

С. ЗЛОБИН

Правда об Иване Грозном

Знание истории прошлого позволяет яснее и отчетливее понимать настоящее и предвидеть будущее. Реакционные деятели старой России представляли себе значение исторической художественной литературы и часто пытались использовать ее в своих целях. Литературная клевета на положительные, исторически-прогрессивные тенденции и образы прошлого была одним из приемов реакции для воспитания рабской психологии в народе.

Одной из жертв такой клеветы в истории России был образ царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным. Замалчивая подлинную роль Грозного в процессе формирования русского государства, реакционные писатели восхваляли, как благородных поборников правды, его врагов в боярских бобровых шапках или монашеских клобуках, изменников родины и перебежчиков во вражеский лагерь, подобных Курбскому.

Перед советской художественной литературой встала огромная задача — очистить исторические образы от псевдо-художественной и псевдо-исторической шелухи. С честью выполнили советские писатели ряд серьезных задач в освещении прошлого новым правдивым светом. Ярким примером нового отношения к истории нашей родины является «Петр I» Ал. Толстого.

Раскрыть подлинное значение исторических событий, определявших судьбы нашей страны и ее народов, изобразить рождение великого многонационального могучего государства, призванного сыграть величайшую роль в развитии человечества, провести водораздел между прогрессивными и реакционными тенденциями в прошлом,— вот к чему стремятся советские художники, когда принимаются за изображение истории прошлого.

Именно так подошел к своей задаче В. Костылев в трилогии «Иван Грозный». Писатель мастерски раскрыл образ царя Ивана — государственно мыслящего, умного и беспокойного человека, сознающего ту огромную ответственность за судьбу отечества, которую возлагает на него положение властителя и руководителя великого государства.

Разоблачая историческую клевету на Грозного, как измышление его политических врагов, В. Костылев не поддался соблазну идеализации своего героя. Он показал, как, враждебный реакционному боярству, уничтоживший немало врагов, потерявший мнимых друзей, охваченный недоверием почти ко всем окружающим, царь Иван глубоко и болезненно переживает то, что так мало верных людей вокруг его трона.

Талантливый политический деятель, жадный к знанию, настойчивый и упорный в достижении поставленной цели, Иван Грозный показан вместе с тем, как человек, непрерывно мятущийся, раздираемый противоречиями своего характера. Трагизм положения, однако, не колеблет его принципиальной целеустремленности, его воли. Он знает, чего хочет.

Костылеву удалось подчеркнуть в образе Ивана Грозного самое главное. В трилогии он предстает перед нами, как создатель централизованного государства, сумевший почувствовать потенциальную мощь своей родины и ее народа, понять необходимость выхода России на широкую дорогу мировой истории.

Грозный—умный политик, он старается использовать противоречия в политической жизни Европы в интересах своего государства, стремится найти политических попутчиков, направить одного из своих врагов против другого.

В своем романе В. Костылев создает ряд исторических образов, сопутствующих или противоборствующих Грозному. Просто и убедительно написаны прогрессивные деятели эпохи — пушечный мастер Андрей Чохов, первопечатник Иван Федоров и другие. Ярко и интересно показан молодой Борис Годунов.

Останавливаясь на истории Европы XVI столетия, автор дает яркое представление о жизни тогдашней Европы, он изображает Лондон, охваченный жаждой наживы, Рим с его католическим мракобесием и распутством.

Своей поэтической и реалистической трилогией «Иван Грозный» В. Костылев сделал ценный вклад в художественное освещение исторического прошлого нашей Родины.

С. НАГОРНЫЙ

ПАФОС НОВОЙ МОРАЛИ

Как сказано в подзаголовке пьесы А. Софронова «В одном городе», — «действие происходит в промышленном городе областного подчинения».

Только что окончилась война. В центре внимания — план реконструкции. Каким быть городу? — вот вопрос, который волнует всех. Вокруг проекта разгорается борьба.

Председатель горисполкома Ратников увлечен своим замыслом создать город гигантских зданий, город бетона, стекла и асфальта. Он утверждает, что его проект рассчитан «на потомков».

На самом же деле этот проект никому не нужен — ни современникам, ни потомкам, потому что он не отражает стремления к красоте и уюту, в нем нет любви к человеку.

Пьеса убедительно показывает, что подобные замыслы могли возникнуть у Ратникова только потому, что он давно уже оторвался от жизни и интересов простых людей — своих избирателей, тех, кто в самоотверженном труде скромно и доблестно строит будущее. Он забыл, что забота об их быте — главнейшая его обязанность.

Ратников полагает, что он может пренебрегать повседневными нуждами своих избирателей и общественным мнением. Он лишен чувства самокритики, необходимого каждому советскому человеку.

В пьесе Ратникову противостоят подлинные большевики во главе с секретарем городского комитета партии Иваном Васильевичем Петровым.

Интересно наблюдать, как Петров руководит людьми.

Роль Петрова, внешне лишенная активного действия, на самом деле имеет решающее значение: именно он, партийный руководитель, помогает каждому поступать наилучшим образом — иначе говоря, быть самим собой, советским человеком.

Ответственный работник Бурмин сначала колебался: ему, заместителю Ратникова, казалось «неловким» выступать с критикой председателя горисполкома, — могут, дескать, подумать, что он его «подсиживает». Клавдия, дочь Бурмина, молодая журналистка, написала статью, изобличающую Ратникова, но она тоже опасается, что статья эта будет воспринята, как личный выпад: ведь она — дочь Бурмина. Архитектору Горбачеву нехватает уверенности, он не умеет с достаточной энергией отстаивать принципы, в справедливости которых убежден.

Всем им помогает занять правильную, принципиальную позицию Петров.

В пьесе живой язык, много наблюдательности и юмора, это очень живое произведение. «Так бывает, — говоришь себе, — да, так бывает, такие люди и обстоятельства встречаются — и не только «в одном городе».

Но успех пьесы Анатолия Софронова, кажется мне, об'ясняется, в первую очередь, тем значением, которое в ней придано нравственным нормам, выработанным на опыте нашего общества.

Идея, которой предан автор этой пьесы, которую он горячо отстаивает и стремится внушить зрителю, — это идея ответственности любого деятеля в нашей стране перед народом. «Нам с тобой перед жителями отвечать», — напоминает Ратникову Петров.

Пафос пьесы—в ее **партийности.** Это—новаторская пьеса, в ней идет речь о коммунистической морали, о нравственных принципах нового, социалистического общества.

Для человека, с которым сближаешься в пьесе Софронова, превыше всего — высокая идейность, сердечная правдивость, душевная чистота. И себя, и других он проверяет по твердым законам морали. Морально же для него то, что необходимо народу, строящему коммунизм.

Ф. КРАВЧЕНКО

СИЛА КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

«Тридцать лет мы бьемся, чтобы подрезать корни прошлого, а они — нет-нет, да покажутся! А ты, Твердова? Оживлением их занялась? Не забыла ли ты, что есть на белом свете силы, которые в ножки тебе поклонятся за то, что ты для них Тихих растила! Уж они бы сыграли на них, подвернись им такой случай!» — с такими словами обращается один из героев пьесы Николая Вирты «Хлеб наш насущный», секретарь райкома партии Рогов к председателю райисполкома Твердовой в то время, когда уже и для нее становится ясным подлинное лицо руководителя колхоза «Новины» — Тихого, прожженного жулика и врага народа. Тихой отнюдь не похож на кулаков первых лет коллективизации, а душа у него кулацкая. Ему «только» хочется, чтобы коллективное хозяйство служило его собственническим целям. Тихой говорит Рогову: «Чтоб у каждого верного моего мужика — двухэтажные дома, коровы, лошади. Машины легковые марки «Победа»! Лично себе «ЗИС-110». Чтоб чувствовали — Тихой едет, хозяин, сторонись!» В этих словах выражена затаенная мечта Тихого. Он стремится приспособить колхозную форму организации для чуждого ей содержания. Прикидываясь шутником и балагуром, Тихой упорно проводит свою особую «политику». С помощью взятки он добывает фальшивую квитанцию о сдаче хлеба государству, а хлеб «припрятывает», помня, что «ныне у того в руках политика, у кого хлеб...»

Крах Тихого неизбежен, ибо ему противостоит масса колхозного крестьянства, преданного социалистическим устоям колхозного строя. Преступная деятельность Тихого стала временно возможной только потому, что такие руководители, как Твердова, превратились в бездушных администраторов, оторванных от народа, утратили необходимое качество — умение разбираться в людях.

Картина порочного стиля руководства Твердовой наглядно разоблачается в пьесе. Твердова по существу давным-давно утеряла партийный облик, подчинила всю свою деятельность узкоэгоистическим инстинктам, ожившим в ее душе.

В пьесе Н. Вирты идет речь о борьбе за хлеб, о том, что передовые люди колхозной деревни, ведомые партией, решительно сметают на своем пути враждебные элементы и неудержимо шагают вперед, к коммунизму.

Значение этой партийной и страстной пьесы в том, что писатель в образах Твердовой и Тихого разоблачил те отрицательные явления в жизни советской деревни, которым положило конец историческое постановление Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», — явления разбазаривания общественных земель, нарушения основ колхозной демократии.

Разоблачая людей типа Тихого и Твердовой, Николай Вирта показывает и то новое, что успешно развивается в советской деревне, — великую силу колхозного крестьянства.

Мы знаем, что приезд бывшего секретаря райкома партии Рогова в свой район ускоряет поражение Тихого. Но в то же время ясно, что и независимо от приезда Рогова Тихой был бы разоблачен. Драматург убеждает нас в этом, показывая передовых людей колхозной деревни, — Марию Рогову, Наташу Балашову, Романа Мохова, Матрену Зорину.

В образе Алексея Рогова драматург рисует опытного партийного руководителя и рачительного хозяина района, умеющего смотреть далеко вперед, сочетать в своей работе выполнение текущих задач с планами на будущее. Его жена Мария Рогова — типичный представитель новой колхозной интеллигенции. Агроном по образованию, она ищет живого дела, становится председателем колхоза, ее знания, организаторский талант и партийная убежденность привлекают к ней сердца людей, и в колхозе «Новый путь» рождается монолитный, энергичный коллектив людей, совершающих подвиг труда.

В пьесе «Хлеб наш насущный» заложены патриотические идеи, способные увлечь зрителей. Это становится особенно ясным в зале столичного театра, где сотни горожан с напряженным вниманием следят за развитием событий в сельском районе. То, что происходит на сцене, близко и понятно каждому советскому человеку.

Об одном философском кентавре

Недавно вышел в свет второй номер теоретического журнала «Вопросы философии».

Отразил ли журнал изменения, которые произошли на философском фронте после философской дискуссии? Этот вопрос волнует не только философов, но и широкую советскую общественность. Редакция «Литературной газеты» предоставляет место откликам читателей на некоторые статьи этого журнала.

Проф. А. МАКСИМОВ

В № 2 журнала «Вопросы философии» в порядке обсуждения помещена статья проф. М. А. Маркова «О природе физического знания». Мимо этой статьи пройти нельзя, так как она затрагивает коренные проблемы философской науки, пытается решить вопрос о познаваемости микро-мира, т. е. мира атомов, атомных ядер, элементарных частиц.

Суть концепции проф. М. А. Маркова такова: человек—макроскопическое существо, т. е. существо, качественно отличное от предметов и явлений микро-мира. Все его средства познания могут служить лишь для познания макро-предметов, предметов, непосредственно доступных и воспринимаемых человеком. Все понятия, которыми оперирует человек, — макро-понятия, т. е. понятия, выработавшиеся в процессе познания макро-мира. Иные понятия для человека, как макро-существа, немыслимы.

Как же обстоит дело с познаваемостью микро-мира по Маркову? Непосредственно человеку микро-мир недоступен. Он становится доступным ему лишь через приборы. Физические приборы человек строит так, что они в состоянии воспринимать воздействия микро-мира. Эти воздействия превращаются в приборе в явления макро-мира, которые, будучи доступными человеку, и изучаются учеными. Но изучая микро-мир, человек, по мнению М. А. Маркова, остается в пределах макро-явлений и макро-предметов. Однако человек все же убеждается, что закономерности микро-мира иные, чем макро-мира. Принужденный оперировать лишь макро-понятиями, человек комбинирует эти понятия так, как это ему никогда не приходилось делать при познании макро-мира. Получаются противоестественные, с точки зрения обыденной макроскопической практики, комбинации понятий—своего рода логические «кентавры» [1].

Так как микро-мир недоступен, по мнению М. А. Маркова, непосредственному познанию человека и познается лишь через приборы, то применение приборов накладывает неустранимый отпечаток на характер познания микро-мира. Прибор, вступая во взаимодействие с микро-миром, изменяет этот микро-мир, вносит в него свое воздействие. Следовательно, микро-мир предстает пред человеком не как таковой, а всегда в **макроскопическом отображении.** Такова суть концепции М. А. Маркова. На основе ее он и приходит к своим кентаврообразным выводам.

«Под физической реальностью (микро-мира.—**А. М.**) понимается,—пишет он,—та форма реальности, в которой реальность проявляется в макро-приборе» (стр. 163). «Характер измерения (явления микро-мира в приборе.—**А. М.**) существенно входит в определение физической реальности» (стр. 163). «Понятие физической реальности квантовой теории в этом смысле «человечно», оно подчинено человеческой деятельности» (стр. 164). «Вопрос, в каком виде существует, как «выглядит»... электрон «сам по себе», когда его не наблюдают, лишен в некоторых своих свойствах однозначной **макроскопической** определенности» (стр. 165).

Защищая эти положения, М. А. Марков следующим образом «опровергает» воззрения метафизического материализма: «Метафизический материализм, рассматривая предмет, действительность лишь в форме об'екта или в форме созерцания, а не в форме человеческой деятельности, не способен материалистически анализировать это сложное взаимоотношение суб'екта и об'екта. Он игнорирует специфическое макроскопическое положение суб'екта и макроскопическую форму познавательной деятельности человека» (стр. 165).

Итак, по М. А. Маркову, метафизический материализм, имея дело с макро-миром, рассматривал предметы природы как об'екты, т. е. как нечто независимое от человека, а «новейший материализм», исходя из данных изучения микро-мира, рассматривает их как «форму человеческой деятельности».

Чтобы закончить характеристику воззрений М. А. Маркова, необходимо указать еще на то, что он, во-первых, со всей ясностью подчеркивает в своей работе, что развиваемая им точка зрения является якобы материалистической популяризацией взглядов некогда датского, а ныне американского ученого Нильса Бора; и, во-вторых, что М. А. Марков производит материалистическое «обоснование» воззрений Н. Бора, исходя из известного тезиса Маркса о Фейербахе, в котором говорится, что недостаток всего предшествующего, домарксовского материализма заключался в том, что предмет, действительность брались только в форме об'екта или созерцания, а не в форме человеческой чувственной деятельности, не в форме практики, не суб'ективно.

Посмотрим, однако, прежде всего, правильно ли утверждение, что человек—макроскопическое существо, отгороженное непроходимой стеной от микро-мира?

Человек, как предмет природы, не просто макроскопический предмет, а предмет, состоящий из микро-предметов. Тело человека составлено из атомов, ионов, электронов и пр. Микро-мир лежит не вне тела человека, а само тело человека есть некая совокупность микро-предметов и микро-процессов. Следовательно, противопоставление макро- и микро-мира, без учета того, что тело человека, как и всякий макро-предмет, включает в себя и микро-мир, не имеет никакого смысла.

Еще нелепее будет выглядеть это противопоставление, если учесть, что процесс взаимодействия тела человека с внешним миром покоится именно на микро-процессах. Возьмем зрение. Зрительный процесс восприятия внешнего раздражения в форме света происходит таким образом, что кванты света воздействуют на вещество, находящееся в колбочках или палочках сетчатки, и вызывают фотохимические процессы изменения этого вещества. И свет и фотохимия сетчатки—это самые настоящие микро-процессы. Такими же микро-процессами являются и процессы нервной проводимости раздражения от сетчатки по нерву к элементам центральной нервной системы. Глаз замечателен еще тем, что он непосредственно способен воспринимать «один или несколько квантов» света (см. С. И. Вавилов, «Глаз и солнце». 1932 г., стр. 51).

Точно так же и самый процесс переработки внешнего раздражения в факт сознания в центральной нервной системе,—если этот процесс рассматривать с физической стороны,—есть процесс отнюдь не макроскопический.

Следовательно, макро- и микро-мир не разделены непреодолимой стеной и нет макро-мира вне и помимо микро-мира. Макро-мир—как бы надстройка над микро-миром, нечто более высокое и более сложное в процессе развития материи, чем микро-мир.

Так как нет макро-процессов, изолированных от микро-процессов, то естественен вывод о том, что микро-явления не суть нечто чуждое, недоступное человеку непосредственно, а нечто такое, что составляет подоснову всех процессов, происходящих в человеке, как предмете природы. Поэтому познание человеком микро-мира есть нечто такое, к познанию чего человек подготовлен всей историей развития материального мира. Поэтому утверждение о том, что человек раз и навсегда заключен в рамки макро-мира и макро-понятий, — неверно.

М. А. Марков вслед за Бором утверждает, что в физических опытах налицо такое взаимодействие микро-мира с прибором, которое, по существу, не может быть устранено. Однако этот аргумент ничуть не затрагивает основного гносеологического вопроса о том, существует ли до применения человеком прибора микро-действительность с такими-то свойствами? М. А. Марков отвечает, что она не существует, а «приготовляется» прибором. Самой по себе микро-действительности, по М. А. Маркову, вне взаимодействия с приборами не может быть приписано каких-либо свойств. Она в лучшем случае кантовская «вещь в себе», свойства которой создаются при взаимодействии с физическим прибором. Этот ответ антинаучен и является в развитии философии поворотом назад, к давно прошедшим временам.

Еще Маркс опровергал тех мыслителей, которые полагали, что свойства данной вещи создаются ее отношением к другим вещам. Он доказывал, что эти свойства не создаются, «а лишь обнаруживаются в таком отношении». И это положение целиком приложимо к тому случаю, который рассматривает М. А. Марков.

М. А. Марков, желая быть марксистом, хочет одновременно доказать, что воззрения Н. Бора соединимы с марксизмом. Эпиграфом к своей статье он избрал выдержку из первого тезиса Маркса о Фейербахе. Исходя якобы из этого тезиса, он утверждает в своей статье, что диалектическому материализму, в отличие от метафизического, будто бы свойственно рассматривать об'ект в неразрывной связи с суб'ектом, в «форме человеческой деятельности» (стр. 165). Этим тезисом Маркса он пытается обосновать свое положение о том, что микро-явления не обладают свойствами вне человеческой практики.

Но нетрудно убедиться в несостоятельности этих попыток опереться на марксизм. Маркс и Энгельс подчеркивали, что именно диалектический материализм порвал с неправильным подходом к природе, применявшимся метафизическим материализмом. Метафизический материализм вносил, писали они, абсолютные различия, непроходимые грани в природу, которых в ней в действительности нет. Такие же метафизические грани вносит и М. А. Марков, утверждая наличие непроходимой грани между макроскопической природой человека и микро-миром.

М. А. Марков цитирует лишь часть первого тезиса Маркса о Фейербахе. Читая дальше, нетрудно убедиться в том, что Маркс в слова «суб'ективно», «практика» и пр. вкладывал определенный смысл, а именно — об'ективный мир познается активно, суб'ект своей практикой воздействует на мир, изменяет его. А это ничего общего не имеет с трактовкой этого вопроса М. А. Марковым.

Маркс, критикуя Фейербаха и весь предшествующий материализм, критиковал их созерцательность, нереволюционность в отношении к обществу, идеализм в понимании общественных явлений. Маркс, совместно с Энгельсом, достроил материализм «доверху», распространил его и на общественные явления, превратил материализм в руководство к действию масс, сделал материализм орудием революционной перестройки действительности. Тем самым был совершен величайший переворот в философии. Но этот переворот лишь укрепил и углубил основное положение теории познания материализма, состоящее в том, что природа и общество, переделываемые человеком в процессе его общественной практики, существуют вне и независимо от его сознания, от человека как суб'екта познания.

М. А. Марков утверждает, что «характер измерения существенно входит в определение физической реальности». Это значит, что реальность, как таковая, вне измерения или не существует совсем или существует как нечто, получающее свойства в процессе взаимодействия с прибором. Если встать на эту точку зрения, то нужно утверждать, как это и делает Н. Бор, что пространственно-временные свойства электрона создаются прибором, что электрон обладает меньшей реальностью, чем обычные тела, что до возникновения современной физики с её приборами микро-мир не обладал пространственно-временными свойствами, не существовал в пространстве и времени.

Вместо революционного понимания тезисов Маркса о Фейербахе, М. А. Марков хочет навязать советскому читателю суб'ективно-идеалистическое толкование проблемы об'ект—суб'ект в теории познания. Но ведь это поворот вспять!

Боровское истолкование соотношения неточностей квантовой механики есть отход от материализма и не приемлется многими физиками. К числу наиболее видных из них принадлежит покойный П. Ланжевен. Против идеалистических выводов Нильса Бора неоднократно выступал академик С. И. Вавилов. Почему же М. А. Марков не разобрал хотя бы взгляды П. Ланжевена?

Причина этого, как нам представляется, проста. Вся статья М. А. Маркова—апологетика философских воззрений Н. Бора, попытка материалистически истолковать идеалистические положения Бора, Гейзенберга и других, перешедших в лагерь идеализма физиков, соединить Бора с Марксом.

Но ведь Маркса уже неоднократно пытались соединить с Кантом, Гегелем, Махом, и известно, чем это кончалось. Такова же судьба и попыток М. А. Маркова соединить Маркса с философскими воззрениями Нильса Бора. Такой философский кентавр совершенно нежизнеспособен.

У М. А. Маркова, видного физика-теоретика, есть, несомненно, и похвальное стремление—усвоить и применить достижения зарубежной физики. Все действительные достижения зарубежной физики, в том числе и физические открытия Нильса Бора, должны осваиваться советскими учеными. К числу таких достижений относится математическая разработка теории квантовой механики, основанной на соотношении неточностей. Наши ученые должны усваивать и дальше двигать современные теории.

Но ведь теория Бора в изложении ее творца сопровождается также определенной философской трактовкой. М. А. Марков сам в начале своей статьи подчеркивает, что те проблемы, которые он будет рассматривать, суть проблемы теоретико-познавательные. Но разве теория познания, защищаемая Н. Бором, — материалистическая теория? Разве она адэкватна физическому содержанию его математических трудов?

М. А. Марков хочет убедить советского читателя в том, что вместе с физическими воззрениями Н. Бора мы должны принять и его философские воззрения. Но с этим согласиться никак нельзя, ибо философские воззрения Н. Бора—типичный продукт идеологической реакции, порождаемой эпохой империализма в буржуазных странах. Философские воззрения Н. Бора—тот самый нежизнеспособный продукт, отброс, который подлежит, по определению Ленина, отправке в помещение для нечистот. «К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. д.».

Ленин и Сталин призывали и призывают советскую интеллигенцию вести свою линию, противопоставлять реакционным тенденциям в развитии буржуазной науки передовую, подлинно научную линию марксистско-ленинской философии. К этому же призывал на философской дискуссии и тов. А. А. Жданов. Констатируя, что «кантианские выверты современных буржуазных атомных физиков приводят их к выводам о «свободе воли» у электрона», тов. А. А. Жданов говорил: «Кому же, как не нам— стране победившего марксизма и ее философам— возглавить борьбу против растленной и гнусной буржуазной идеологии, кому, как не нам, наносить ей сокрушающие удары!».

К сожалению, М. А. Марков не последовал этим призывам.

[1] Кентавры — мифические существа, полулошади, полулюди.

Н. КАЛЬМА

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Молчаливый крепыш. Неторопливый, не по-детски солидный, думающий о чем-то своем. Этакий мужичок с ноготок. Таким предстает перед читателем Костя Малышев — герой повести И. Ликстанова «Малышок».

Вначале Костя растерян: брат, охотник и старатель из Ивделя, отправляясь на фронт, послал его в город, к дяде. Но и дядя оказывается на фронте, вдобавок в поезде выкрали все документы, и вот на вокзале, в незнакомом большом городе сидит маленькая, с'ежившаяся фигурка мальчика.

Но очень скоро Костя Малышев находит свою судьбу: военный завод набирает молодых рабочих, и в одну из таких групп попадает Малышок. С этого мгновения вся его жизнь теснейшим образом связана с заводом: рост завода — его собственный рост, и успехи производства — его собственные успехи.

Дыхание войны чувствуется на каждой странице этой повести: ее герои всеми своими интересами и тревогами связаны с фронтом. Завод производит детали для «катюш», и это придает особую значительность каждому, даже мелкому, на первый взгляд, делу. И когда Костя становится «снайпером молотка» и показывает, как быстро умеет он сколачивать щиты для ящиков, то это — особенно важное событие именно потому, что ящики нужны для «катюшиных» деталей и в этих ящиках отправится на фронт то грозное оружие, которое немцы в своих первых донесениях называли «губительной молнией».

Мы с интересом следим за превращением «ивдельского медвежонка» в умелого, страстно влюбленного в свое дело молодого рабочего. Ликстанов любит машину, завод, самый процесс производства и умеет передать читателю этот азарт труда, горячность, кровную заинтересованность во всем, что касается завода и его дел. Технический процесс он описывает по-настоящему поэтично:

«Вот она включила рубильник. Наждачный круг быстро завертелся, отбрасывая капельки воды. Вот она, наморщив лоб, крепко прижала к черному блестящему наждаку резец, и вверх ударил фонтан белых искр. Казалось, что девочка схватила за голову длиннохвостую комету».

И Малышок, приобщенный к этой поэзии труда, захваченный могучим движением всего народа, работающего для победы, чувствует себя уже не прежним таежным мальчонкой, а настоящим хозяином жизни.

«Не сталь резала сталь, а он, Константин Малышев, вспотевший и счастливый, резал ее своей волей... Много радостей может быть у человека, но эта радость взлетает так высоко, что открывается весь широкий мир, и мир становится родным, собственным. Была черная труба-заготовка, одна из тех, которые тысячами лежат в штабеле под снегом, а он коснулся ее резцом, она приняла его труд и стала дорогой, нужной. Чего не сделает человек, умеющий резать сталь! Вот горы — он их сроет, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он прорубит в ней широкие просеки и построит города, вот немец идет на его землю войной — он пожжет, уничтожит фашистов, потому что он хозяин металла, он мастер «катюши»!

Кроме Малышка, в центре повести еще четыре персонажа: две девочки — Катя и Леночка и два мальчика — Сева и Колька.

Это живые, настоящие, зримые ребята. За всеми событиями этой повести читатель следит с неослабевающим интересом, совершенно покоренный той интонацией искренности и чистоты, которая придает произведению особенную прелесть.

Легко, естественно входит в книгу и публицистика, которой автор совершенно не боится. Язык повести—сочный, образный и свежий. Ликстанов часто пользуется прибауткой, чисто уральскими словечками.

Слабее в повести вся линия «Синего тумана» — выдуманной страны, куда ребята собираются итти за золотом. Возможно, что молодой писатель, рассказывая о заводе, о производстве, в какой-то момент испугался, что «материя» чересчур суха. И вот тогда-то для пущего интереса и романтизма изобретаются разные «Синие горы» и «Синие туманы». Но право же, автору «Малышка» не нужно было таких выдумок. Его повесть и без того поэтична и увлекательна. Ее с большим интересом прочтут не только дети, но и взрослые.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

БУМАГА ИЗ СОЛОМЫ

В № 22 «Литературной газеты» было напечатано письмо кандидата сельскохозяйственных наук тов. Н. Натальина об использовании рисовой соломы для производства бумаги.

Переработка на целлюлозу соломы вообще (включая рисовую), разного рода трав, стеблей хлопчатника и т. д. действительно является проблемой, заслуживающей большого внимания.

Могут сказать, зачем тратить внимание и средства на переработку соломы, когда мы богаты лесом. Такой вывод был бы неправильным.

Заготовка древесины — пожалуй, самая трудная часть в процессе производства целлюлозы. Между тем солома более доступна и очень часто в сельскохозяйственных районах остается неиспользованной.

При переработке соломы, злаков, трав и стеблей хлопчатника получается целлюлоза высокого качества.

Вопрос о переработке соломы на целлюлозу для Советского Союза не нов. Указание тов. Н. Натальина на существование в прошлом Киевской опытной бумажной фабрики—правильно. Примерно в 1941 году мне приходилось читать отчет по этой работе специалистов бумажной промышленности. Возможность переработки соломы на целлюлозу была технически и экономически доказана.

Пора Министерству целлюлозной и бумажной промышленности СССР использовать проведенную перед войной подготовительную работу в этой области и перевести всю проблему на практические рельсы.

Проф. Б. САСС-ТИСОВСКИЙ

НЕНУЖНОЕ ПОДРАЖАТЕЛЬСТВО

В силу какой-то нелепой традиции различные машины и аппараты, выпускаемые для нашей промышленности советскими заводами по чертежам, разработанным в СССР советскими конструкторами, носят названия иностранных фирм.

Уже давно всеми забыто то время, когда, например, силикатные машины ввозились в СССР из-за границы. Новые машины, выпускаемые советскими заводами, ни внешним видом, ни конструкцией не напоминают те «тоншнейдеры», «тонгобели» и «шибебюне», которые 15 лет назад приобретались нами в Германии. Советские инженеры усовершенствовали их, советские заводы давно освоили их выпуск и, казалось бы, они давно приобрели право называться по-новому. Однако до сих пор эти машины носят названия иностранных фирм, к которым они давно уже не имеют никакого отношения.

Рабочие на кирпичных заводах должны подолгу привыкать к тому, что обыкновенная глиномялка называется мудреным иностранным словом «тоншнейдер», ящичный подаватель для глины — «бешикер», а передвижная платформа для перевозки вагонеток — «шибебюне».

В литературе учащимся внушается, что непластические глины (камнеподобные), уже никакого отношения не имеющие ни к каким иностранным фирмам, называются «флинтклей». Как будто нельзя сказать это по-русски.

Специальный Комитет технической терминологии при Отделении технических наук Академии наук СССР до сих пор еще не счел возможным заняться вопросами технической терминологии для силикатной промышленности. А между тем необходимость в этом чувствуется давно.

Если такое невнимание со стороны работников комитета об'ясняется недостатком времени, следовало бы перепоручить техническую часть работы соответствующим научно-техническим обществам и инженерным секциям, заинтересованным в том, чтобы будущие инженеры, техники и молодые рабочие не воспитывались на чуждой, трудно воспринимаемой ими терминологии, а лучше тратили свою энергию на усвоение самого предмета.

Проф. Р. Л. ПЕВЗНЕР.